

Духовное наследие А. С. Пушкина

Сыромятников Олег Иванович

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-4826-3857. E-mail: pani_perm@list.ru

Аннотация. Актуальность статьи определяется тем значением, которое придается в настоящее время традиционным для России духовно-нравственным ценностям. Цель исследования – выявить духовные основы творчества А. С. Пушкина и проследить особенности их воплощения в различных жанрах. Предметом исследования является художественное творчество Пушкина, его дневниковые и эпистолярные записи, а также свидетельства современников.

В результате исследования установлено, что своеобразие творчества поэта определяется особенностями духовного развития его личности. В отличие от многих его современников оно имело характер резких качественных изменений. Это было связано с такими особенностями личности Пушкина, как открытость миру, любознательность, ум, религиозность и ярко выраженное национальное самосознание. Используя разум и веру как равнозначные средства познания окружающей действительности, Пушкин главной целью своей жизни и творчества поставил изучение фундаментальных онтологических законов, управляющих судьбой каждого конкретного человека, целого народа и всего человечества.

Не менее важной задачей было и самосовершенствование, основанное на бескомпромиссном анализе своих недостатков и сознательном деятельном преображении себя в соответствии с христианским идеалом. Духовная жизнь поэта нашла отражение в различных жанрах его творчества, обусловив их художественные достоинства и создав условия для эффективного развития магистрального направления русской литературы – православного реализма.

Полученные результаты могут быть применены при изучении различных аспектов жизни и творчества Пушкина, а также в процессе преподавания дисциплины «История русской литературы» (первая треть XIX в.).

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Библия, Христос, духовная жизнь, православный реализм.

Имя А. С. Пушкина известно всем русским людям и всем образованным иностранцам. О Пушкине сказано и написано, наверное, больше, чем о каком-то другом русском писателе, однако исследования его жизни и творчества продолжают непрерывно и в России, и за рубежом. В этом особенность гения – его огромность не вмещается в обычный человеческий разум. Тем не менее необходимо осмыслить феномен Пушкина, попытаться понять, что делает его близким и нужным самым разным людям.

Воплощенные в слове мысли и чувства писателя, соединяясь на доминирующем уровне трихотомии его личности с императивной силой таланта, становятся литературным произведением. В некоторых случаях доминирующий уровень выражен очень ярко, и это позволяет дать творчеству писателя точное определение: эротическое, сентиментальное, интеллектуальное, философское или религиозное. Сделать такой однозначный вывод о творчестве Пушкина крайне затруднительно, потому что оно содержит произведения, созданные на каждом из этих уровней, а иногда одно произведение сочетает в себе элементы разных уровней – от телесного (эротического) до духовного (религиозного).

И это всегда чувствовали внимательные читатели. В. Г. Белинский назвал роман «Евгений Онегин» «энциклопедией русской жизни» [1, с. 566], а Аполлон Григорьев однажды сказал: «Пушкин – наше все» [5, с. 194]. «Все» оно и есть «все» – как в хорошей энциклопедии, поэтому самые разные читатели с самыми разными личностными доминантами находили, находят и будут находить в пушкинском творчестве нечто свое. Однако, если понять, какой

уровень трихотомии был главным в личности (а значит, и в творчестве) Пушкина, то появится возможность увидеть внутренние идеи разных его произведений в единстве и целостности. Для этого необходимо найти в личности поэта черты, оказавшие наибольшее влияние на его творчество.

Важнейшей из них Ю. М. Лотман считал «способность Пушкина меняться» [11, с. 42], то есть очень быстро развиваться и совершенствоваться. Следовательно, и оценивать произведения поэта, созданные в разные периоды его жизни (отроческий, лицейский, до 1820, южный, михайловский, до 1830 г., болдинский и так далее) следует с учетом этих изменений.

Одной из важных черт, очень рано проявившихся в характере Пушкина, была *открытость миру*. Друзья не случайно сравнивали его с эоловой арфой – поэт откликался на малейшие звуки окружающей действительности не только чувствами или разумом, но всем своим существом. Это не была инертная впитывающая податливость – одни импульсы внешнего мира Пушкин принимал и делал частью своей души, а другие отражал, возвращая миру.

Характерным свойством личности поэта была *любопытность*. По словам Ю. М. Лотмана, этим качеством Пушкин «выделялся как ищущий среди нашедших» [11, с. 42]. В отличие от многих современников, он не довольствовался простыми знаниями и простыми объяснениями, а хотел понять, как устроен мир и какие тайные пружины двигают им. Иногда любопытность толкала Пушкина на не вполне обдуманные действия, очень напоминавшие попытки заглянуть за грань обычной, повседневной реальности. С этим связаны и дуэли поэта (за исключением последней, имевшей все признаки заказного убийства) и литературные эксперименты и сложные интеллектуальные поиски. Так, весной 1824 г. он пишет В. К. Кюхельбекеру из Одессы о том, что берет «уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur¹, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души». Эти слова могли бы стать (и отчасти стали) основанием для обвинения в атеизме, если бы не их продолжение: «Система не столь утешительная как обыкновенно думают, но к *несчастью* (курсив наш. – О. С.) более всего правдоподобная» [16, с. 96]. Очевидно, что назвать правдоподобие атеизма «несчастьем» мог только искренне, хотя еще и не глубоко верующий человек.

Пушкин постоянно учился, причем не просто собирал информацию о мире, а творчески перерабатывал ее, превращая в качественно новое знание. Это говорит о таком свойстве его личности, как *ум*. По словам современника поэта, К. А. Полевого, он «обладал необычайными умственными способностями» [14, с. 76]. Добавим к этому прекрасное знание древних и современных языков и литератур, а также истории и культуры европейской цивилизации – и получим личность необычайно глубокую и многогранную.

Характерной чертой этой личности была *страстность*. В молодости поэту казалось, что в жизни надо испытать все и он не особо сдерживал себя в своих желаниях. По этому поводу Ю. М. Лотман писал: «Жить в постоянной напряженности страстей была для Пушкина не уступкой темпераменту, а сознательной и программной жизненной установкой» [11, с. 51]. Однако, несомненно, была грань, которую поэт не перешел бы никогда. Она определялась понятием «благородство», в основе которого лежало требование безусловной и абсолютной честности по отношению к себе и к другим. С годами к ней прибавилось и понимание того, что безотчетное отдавание себя страстям рано или поздно окончится бедой и страданиями – и своими, и чужими.

Любопытность поэта не ограничивалась видимой, материальной реальностью, а простиралась за ее пределы. Обладая необычайной духовной чуткостью, Пушкин чувствовал присутствие потустороннего мира и живо откликался на его сигналы. Этим объясняется и его известная суеверность и то обстоятельство, что в начале мая 1821 г. он вступил в масонскую ложу «Овидий-2» [8]. Однако скоро поэт понял, что провозглашаемые масонами цели (свобода, равенство, братство, самосовершенствование, филантропия и прочее) только прикрывали их истинные намерения – борьбу с православием и русским самодержавием. Пушкин решительно порвал с масонством, чем вызвал недоумение у некоторых своих приятелей, близких масонским кругам. Так, С. А. Соболевский вспоминал: «Я как-то изъявил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу» [20, с. 11] Ответ Пушкина был характерен: «Разве ты

¹ Что не может быть существа разумного, творца и правителя (*франц.*).

не знаешь, что все филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство, получили от Адама Вейсгаупта направление, подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам?» [20, с. 11–12]. Следует помнить, что поэт никогда не был революционером в традиционном для России понимании этого слова – борцом с самодержавием и крепостным правом. Он лишь хотел, чтобы все русские люди – от простого мужика до царя – «склонились под сень» Божьего закона [17]².

Должны были пройти годы, чтобы религиозность Пушкина приняла правильные, церковные формы. Этому способствовала и литургическая жизнь поэта и так называемый «ломоносовский принцип» [10] – гармоничное сочетание веры и разума как двух равноправных средств познания окружающей действительности в ее видимой и невидимой части. К тому же Пушкин наверняка заметил, что все масонские «премудрости» и пропитанная ими европейская философия есть не что иное, как упрощенный и искаженный пересказ того, что уже содержится в Священном Писании, а потому не стоит тратить время на изучение вторичного, не зная того, что было его источником. Внимание Пушкина к христианскому вероучению росло с каждым годом. Об этом говорят слова Павла Вяземского (сына знаменитого поэта), сказанные в середине 1830-х гг.: «Пушкин постоянно и настойчиво указывал мне на недостаточное мое знакомство с текстами Священного Писания и убедительно настаивал на чтении книг Ветхого и Нового завета» [3, с. 194].

К этому времени поэт уже хорошо понимал, что настоящее знание о человеке и мире может дать только христианское Откровение и творения святых отцов. Он начал изучать Писание еще в Кишиневе, о чем затем мельком обмолвился в стихотворном послании к Ф. Ф. Вигелю: «Я слишком с Библией знаком...» [18, т. 9, с. 75]. Духовное самообразование продолжилось и позже – в конце ноября 1824 г. Пушкин требует от брата поскорее прислать ему в Михайловское «Библию, Библию! и непременно французскую» [18, т. 9, с. 121]. Как замечает И. Ю. Юрьева, «в письмо был вложен список требуемых книг, где Пушкин четко указал две Библии, то есть вместе с церковнославянской он просил прислать “и французскую непременно”» [21, с. 11]. Конечно, Пушкин читал Библию и раньше, когда, как и все русские дети, знакомился с православным вероучением. Но сейчас те же слова читал уже *другой* человек, и читал их по-другому – сознательно, напряженно и внимательно сравнивая церковнославянский текст с французским переводом, чтобы как можно лучше понять внутреннее значение каждого слова. Пушкин был настолько потрясен открывшейся ему Красотой, что даже, по словам И. Ю. Юрьевой, «начал переводить с церковно-славянского на русский Песнь Песней царя Соломона», а в 1830-е гг. «обратился к древнееврейскому оригиналу Библии “с намерением переводить Иова”. Этот замысел не был осуществлен: изучение древнееврейского языка остановилось, вероятно, на начальной стадии, и для Пушкина первоисточником Св. Писания и главным источником поэтического вдохновения осталась церковнославянская Библия» [21, с. 12, 14].

По интенсивности духовной жизни Пушкина можно сравнить только с Н. В. Гоголем, а из последователей («все мы вышли из “Шинели” Гоголя») – с Ф. М. Достоевским. Апостол Павел напоминает о важнейшем гносеологическом законе, согласно которому «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. 2,14–15). Именно поэтому автор «Мертвых душ» так хорошо понял Пушкина, сказав: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа...» [4, с. 50]. В жизни и творчестве поэта, полагал Гоголь, во всей полноте и противоречии воплотились основные свойства русского национального характера.

Важнейшим из них был *патриотизм* – любовь к отечеству. Это не было эстетическим переживанием или рациональным убеждением, патриотизм Пушкина был деятельным и энергичным. Поэт внимательно следил за современной политической обстановкой, анализировал происходящие события и старался увидеть их главные, духовные причины. Обращаясь к узловым моментам отечественной истории (Смутному времени, реформам Петра I, пугачевскому бунту), он видел их причины в действии тех самых законов, о которых говорит Библия: «Благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых разрушается» (Притч. 1,11). Это значит, что последствия греха правителя ложатся на народ, а за грехи народа расплачивается

² О христианских мотивах оды «Вольность» см. П. В. Герасимов. Ода А. С. Пушкина «Вольность» и ее библейские параллели. URL: https://ruskline.ru/analitika/2013/02/02/oda_aspushkina_volnost_i_ee_biblejskie_paral-leli/ (дата обращения: 21.01.2023).

правитель. Поясняя этот закон, святитель Василий Великий говорил: «И за немногих приходят бедствия на целый народ, и за злодеяния одного вкушают плоды его многие» [2, с. 641]. О том же писал и святитель Московский Киприан: «Не весте ли, яко грех людский на князи и княжеский грех на люди нападает?» [13] По-своему раскроет этот закон Достоевский, сказав словами брата старца Зосимы («Братья Карамазовы»): «Воистину всякий пред всеми за всех и за все виноват» [6, т. 14, с. 262]. Речь идет об изначальном духовном единстве человечества, о котором говорит Св. Писание: «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело... Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы – тело Христово, а порознь – члены» (1 Кор. 12,12–13, 26–27). Результатом художественного осмысления этого духовного закона в творчестве Пушкина стала драма «Борис Годунов» (1825).

Судьба России осмыслена Пушкиным также и во множестве стихотворений, но особого внимания заслуживает его историософский труд «История Пугачева» (1833). Главный вопрос, который ставит перед собой поэт: почему единый по вере, культуре и образу жизни народ разделился, и начался «бессмысленный и беспощадный» бунт? Пушкин понимает, что социальные, экономические и политические причины – лишь внешние проявления духовных законов, приведенных в действие двумя противоположными мировоззренческими принципами – своеволием и смирением. Осуществление этих принципов в человеческой жизни поэт показал в своего рода «художественном комментарии» к «Истории Пугачева» – «Капитанской дочке» (1836) образами Емельяна Пугачева и Петра Гринева.

Следующим этапом познания Пушкиным законов исторического бытия России должна была стать «История Петра», в которой предполагалось дать ответ на важнейший вопрос русской истории: каковы меры зла и добра, принесенные Петром I России и ее народу? Поэт понимал, что на этот вопрос не может быть однозначного ответа, об этом говорят подготовительные материалы к «Истории Петра», а также его публицистические и частные отзывы о деятельности великого реформатора. Одной из первых попыток художественного осмысления этого вопроса стала поэма «Медный всадник» (1833).

Венцом историософских трудов Пушкина должна была стать реализация колоссального замысла под рабочим названием «Русский Пелам» (1834), охватывающего весь период русской истории от крещения Руси до царствования Николая I. Вероятным толчком к созданию такого труда послужило появление «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (1818). Пушкин очень высоко оценил эту работу, но видел ее главный недостаток в том, что историк только описал события, но не вскрыл их духовные причины. Это и хотел сделать поэт, и нетрудно представить, что если бы ему это удалось, то сегодня мы имели бы идеальное руководство по истории России, позволяющее не только увидеть ее прошлое, но понять настоящее и предвидеть будущее.

Пламенная любовь к России и непрерывно крепнущее чувство единства с ее судьбой позволили Пушкину глубоко проникнуть в тайну исторического предназначения России. Говоря об этом, Ф. М. Достоевский назвал поэта «началом и начальником славянофилов» [6, т. 21, с. 269], «главным славянофилом России» [6, т. 24, с. 276], а в июне 1880 г., выступая на пушкинских торжествах в Москве, он продолжил мысль Гоголя, сказав, что Пушкин есть явление «и пророческое» [6, т. 26, с. 136]. Достоевский прав – именно в творчестве Пушкина пророчество русской литературы проявилось с наибольшей силой.

Пророк – это тот, кого Бог призывает для передачи Своей воли людям. Она была открыта Пушкину летом 1826 г. и запечатлена им в стихотворении «Пророк». Любой образованный человек того времени умел сочинять стихи, но сочинить *такое* было невозможно, *такое* можно было только *записать*, как записывали Откровение Божией воли ветхозаветные пророки и ученики Христа. В тот день Пушкину открылась сущность и назначение поэтического таланта – он дается человеку не просто так и не в награду за что-то, а как призвание на служение Творцу³. Ему стал ясен и личный смысл жизни – нужно побороть эгоизм и гордыню, исполниться волей Бога и нести людям Его слово. И наконец, поэту открылось историческое призвание России – она должна во всей чистоте и непорочности хранить православную веру и в час всеобщей гибели явить ее для спасения мира.

Пушкин передал своим современникам волю Бога, опубликовав это стихотворение, но не вступил на указанный ему путь. Он помнил о грехах (в том числе и литературных), кото-

³ См. притчу о талантах: Мф. 25,14–30.

рые совершил в молодости, необдуманно поддавшись страстям. Заметим, что, подобно Гоголю, поэт искренне сожалел о некоторых своих ранних произведениях, понимая, что принес ими больше вреда, чем пользы. Однако, писал он в августе 1828 г., «...ни в одном из моих сочинений, даже из тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религией» [18, т. 10, с. 353]. Действительно, в этих произведениях нет прямого богохульства или богоборчества, скорее их можно назвать легкомысленными (хотя и несомненно греховными) шалостями, шалопайством. Тем не менее Пушкин счел себя недостойным судьбы пророка и, подобно ветхозаветному Ионе, попытался жить прежней жизнью.

Отказ от призвания немедленно обернулся тяжелейшим духовным кризисом. В 1828 г., в день своего рождения, Пушкин пишет страшное в своей безысходности стихотворение «Дар напрасный, дар случайный / Жизнь, зачем ты мне дана?». Он долго не решался опубликовать его, понимая, что это не просто стихотворение, а дерзкий вызов Богу. Стихотворение появилось в печати только в январе 1830 г., вдруг неожиданно для себя Пушкин получил письмо от предстоятеля Русской Православной Церкви митрополита Филарета (Дроздова). Оно было написано в той же поэтической форме, что и пушкинское стихотворение и содержало ясные и точные ответы на все вопросы поэта. Пушкин был потрясен до глубины души и в ответном (также стихотворном) письме⁴ назвал святителя «серафимом», узнав в его лице того же посланца Бога, который однажды уже явился ему в «Пророке». Поэт искренне покаялся в греховном унынии и поблагодарил митрополита Филарета за пастырское наставление и духовную поддержку.

С этого времени в жизни Пушкина начался особый этап – этап собственно духовной жизни, под которой православие понимает сознательную и целенаправленную борьбу с греховными страстями. Эта сторона жизни поэта была неизвестна многим его современникам, и даже близкие друзья узнали о ней только после его смерти. Так, П. А. Вяземский в середине февраля 1837 г. сообщал великому князю Михаилу Павловичу: «Смерть обнаружила в характере Пушкина все, что было в нем доброго и прекрасного. Она надлежащим образом осветила всю его жизнь. Все, что было в ней беспорядочного, бурного, болезненного, особенно в первые годы его молодости, было данью человеческой слабости, обстоятельствам, людям, обществу. Пушкин был не понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями» [15, с. 528]. Эмоциональная и интеллектуальная открытость, подвижность и пытливость чувств и ума поэта скрывали от посторонних глаз напряженную, не прекращавшуюся ни на мгновение духовную работу, говоря о которой он однажды дал себе самое точное определение из всех возможных – «духовный труженик»⁵. Следы этой работы, вспоминает В. В. Путьта, были видны лишь иногда, когда в Пушкине «было заметно какое-то грустное беспокойство, какое-то неравенство духа; казалось, он о чем-то томился, куда-то порывался» [16, с. 5].

О напряженности этого периода духовной жизни поэта говорит стихотворение «Бесы», работа над которым началась еще в октябре 1829 г., а полностью завершилась 7 сентября 1830 г. Казалось бы, эта та же осенняя «пора, очей очарованье», воспетая Пушкиным, но картина, созданная им в стихотворении, не имеет ничего общего с пейзажем за окном – это студеная вьюжная зимняя ночь. Лирический герой (в котором легко узнать самого поэта) сбился с пути и оказался на краю гибели. Отправляясь в дорогу, он надеялся, что разум (ямщик) сможет справиться со страстями (конями), но этого не произошло. Желание жить, полагаясь лишь на свои чувства и разум, завело в тупик, из которого нет выхода. От надвигающейся смертельной опасности может спасти только одно – немедленно подчиниться воле Божией и со смирением, терпением и любовью возвратиться на указанный Им путь.

Впервые знаменитая пушкинская диада «ум – сердце» появилась еще в 1817 г.: «Ум ищет Божества, а сердце не находит»⁶. *Рационализм* – важнейшее свойство личности поэта до болдинской осени 1830 г. Он был воспитан на идеалах Просвещения и верил, что скоро разум и наука откроют все тайны бытия, и люди станут счастливы. В ошибочности этой мысли Пушкин убедился на личном опыте, оказавшись на самом краю гибели сначала в «пустыне мрачной» («Пророк»), а затем в еще более страшной безжизненной ледяной пустыне («Бесы»). И лишь благодаря переписке со святителем Филаретом поэт понял, что третьего раза может и не быть, а потому настало время принять окончательное решение.

⁴ «В часы забав иль праздной скуки...» (1830).

⁵ «Странник», 1835.

⁶ «Безверие» (1817).

По словам М. М. Дунаева, «враг рода человеческого особенно активен тогда, когда человек начинает восхождение на новый, более высокий уровень своего духовного бытия. Все свидетельствует о том, что Пушкин пребывал именно в таком состоянии. Творческие достижения его – тому очевидное подтверждение. Самые злые силы ополчились против души поэта перед трагическим концом его» [7, с. 285]. Духовная динамика следующих стихотворений болдинского цикла («Элегия», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» и другие) говорит о том, что Пушкин смог завершить всю необходимую работу по самопознанию («Я еще был молод...» [18, т. 2, с. 746]) и приступить к целенаправленной (по сути – аскетической) борьбе со страстями, которые считал наиболее опасными. С каждым годом эта работа становилась все более интенсивной и напряженной. Об этом свидетельствует просительная часть переработанной поэтом великопостной молитвы преподобного Ефрема Сирина: «Владыко дней моих! дух праздности унылой, / Любоначалия, змеи сокрытой сей, / И празднословия не дай душе моей. / Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья, / Да брат мой от меня не примет осужденья, / И дух смирения, терпения, любви / И целомудрия мне в сердце оживи»⁷. Как во всякой борьбе, здесь были свои победы и свои поражения, о чем поэт сказал в краткой, но очень яркой зарисовке, сделанной, вероятно, в минуту отдохновения и подведения некоторых итогов: «Напрасно я бегу к Синским высотам / Грех алчный гонится за мною по пятам...» (1836).

Художественное творчество Пушкина содержит ясное указание на то, что произойдет, если человек откажется от духовной работы. В «Евгении Онегине» поэт исследует важнейший духовный закон, определяющий счастье и несчастье человека. Главный герой обладает многими достоинствами, но не имеет того, что придает им подлинную ценность, – идеала и определяемой им ясной и предметной цели. Это превращает его жизнь в тягостную и жестокую пытку, в конце концов приводящую к преступлению: «Убив на поединке друга, / Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов, / Томясь в бездействии досуга / Без службы, без жены, без дел, / Ничем заняться не умел» [18, т. 4, с. 160]. Духовное состояние Онегина таково, что при всем внешнем благополучии он готов на что угодно, лишь бы жизнь приобрела хоть какой-то смысл. Он «мыслит, грустью отуманен: / Зачем я пулей в грудь не ранен? / Зачем не хилый я старик, / Как этот бедный откупщик? / Зачем, как тульский заседатель, / Я не лежу в параличе? / Зачем не чувствую в плече / Хоть ревматизма? – ах, Создатель! / Я молод, жизнь во мне крепка; / Чего мне ждаться? тоска, тоска!» [18, т. 4, с. 186]. И даже внезапная влюбленность в Татьяну не может ничего изменить, потому что она порождена не бескорыстной заботой о счастье другого человека, а эгоизмом и уязвленным самолюбием.

Те же идеи, но иначе, выражены в «Капитанской дочке» (1836). До тех пор, пока герои романа послушны Божьей воле, все в их жизни складывается наилучшим образом. И даже нападение бунтовщиков принципиально ничего не меняет – капитан Миронов и его соратники обрели бессмертие, безукоризненно выполнив свой долг. Твердо следуя воле Бога, Маша готова сохранить верность Петру даже ценой своей жизни, а он, в свою очередь, готов не колеблясь отдать за нее свою жизнь⁸. Судьбой своих героев Пушкин показывает, что исполнение главного закона бытия, выраженного Христом: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22,37–39), является источником настоящего счастья и благополучия, а его нарушение приводит к бедам и страданиям.

Пугачев, напротив, попытался противопоставить воле Бога свою волю: «Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою» [18, т. 5, с. 374]. Пушкин показывает предводителя бунтовщиков умным и великодушным человеком, в глубине души понимающим ошибочность избранного пути, но уже не способного сойти с него: «Нет, <...>, поздно мне каяться. Для меня не будет помилования» [18, т. 5, с. 374]. Действительно, Пугачев жестоко нарушил закон и должен был понести наказание. Понимая это, он с покаянием обращается к народу: «Прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрешил перед тобою... прости, народ православный!» [18, т. 7, с. 102].

Наше восприятие личности Пушкина во многом находится в парадигме, заданной М. Ю. Лермонтовым («Смерть поэта», 1837). Полагаем, Лермонтов ошибся, не понял Пушкина, потому что судил о нем *душевно*, а не *духовно*. Да, Пушкин был «невольником чести» – он верил,

⁷ «Отцы пустынноики и жены непорочны» (1836).

⁸ Ср.: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13).

что мужчина должен защищать свою честь, честь своей семьи и своей родины, но никакой «жажды мести» в его груди не было. Напротив, друг и секундант Пушкина на последней дуэли К. К. Данзас вспоминал, как уже на смертном одре поэт твердо сказал, «что не хочет, чтоб кто-нибудь мстил за него, и что желает умереть христианином» [9]. Впоследствии ошибку Лермонтова использовали те, кто хотел сделать из Пушкина подобие агитационного плаката, видя главной задачей литературы борьбу с православием, самодержавием и народностью⁹.

Несомненно, художественное дарование Лермонтова по масштабу и силе сопоставимо с пушкинским, а в чем-то (например, в прозе, которую Гоголь называл «благоуханной» [4, с. 402]) даже превосходило его. Но в главном, в духовном содержании творчества эти два великих русских писателя принципиально расходились. Пушкин преодолел искушение неверием («Безверие», 1817), однако, не чувствуя себя способным к монашеской жизни¹⁰, искал путь между крайностями светской жизни и аскетизмом. Идя по этому пути, он неустанно боролся со вспыхивающими одна за другой страстями, о чем ярко говорят произведения последних лет его жизни: «Анджело» (1833), «Родриг» (1835), «Странник» (1835) и другие.

Более того, есть все основания утверждать, что духовный взор поэта был постоянно устремлен к сияющей личности Спасителя. Об этом свидетельствует не только общая духовная направленность его творчества, но и многочисленные дневниковые и черновые записи. Анализируя их, еще в 1979 г. М. Ю. Лотман отмечал «вдумчивое и серьезное отношение Пушкина 1830-х гг. к теме Христа и христианства». По словам исследователя, «характерной чертой художественного мышления Пушкина являются “сквозные сюжеты” – замыслы, к которым он, варьируя и изменяя их, упорно обращается в разные моменты своего творчества». Одним из таких сюжетов Лотман считает и «сюжет об Иисусе» [12, с. 26–27]. По предположению современного исследователя, «в творчество Пушкина эти темы прочно вошли примерно с 1823 года, и все, что он написал с этого времени, насквозь пронизано ими» [19, с. 4].

Подводя итог, скажем, что Пушкин не только создал современный русский литературный язык, но вместе с Гоголем и другими православными русскими литераторами (И. А. Крыловым, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, Ф. И. Тютчевым и другими) вернул русскую литературу на путь, указанный ей в XI веке митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати», и с которого она едва не свернула в XVIII в. под напором апостасийной европейской идеологии, хлынувшей на Русь через прорубленное Петром I «окно».

И главное: Пушкин и Гоголь существенно обогатили изобразительные ресурсы русской литературы, в разных жанрах своего творчества исследовав фундаментальные онтологические духовные законы, управляющие судьбами мира. Их открытия были творчески переосмыслены и доведены до совершенства Ф. М. Достоевским, поднявшим православный реализм – художественное воплощение наличествующего бытия (как его представляет православие) – на недостижимую высоту. В июне 1880 г., завершая свое выступление на пушкинских торжествах в Москве, писатель сказал: «Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» [6, т. 26, с. 149]. Примем сказанное как завет и исполним его так, чтобы быть достойными памяти великих творцов русской литературы.

Список литературы

1. *Белинский В. Г.* Собр. соч. : в 3-х т. Т. 3. М. : Худож. лит., 1949. 926 с.
2. *Василий Великий.* Творения : в 2 т. Т. 1. Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы. М. : Сибирская благовонница, 2008. Беседа 8. Говоренная во время голода и засухи. 750 с.
3. *Вяземский П. П.* Александр Сергеевич Пушкин. 1826–1837. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1985. 194 с.
4. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 8 / АН СССР, Ин-т лит-ры (Пушк. дом). М. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. 816 с.
5. *Григорьев А. А.* Апология почвенничества / сост. и комм. А. В. Белова, отв. ред. О. В. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. 688 с.
6. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.

⁹ Об этом говорил В. Г. Белинский в письме Н. В. Гоголю от 15.07.1847 г.

¹⁰ Как это сделал, например, человек его круга и младший современник, святитель Игнатий (Брянчанинов) (1807–1867).

7. Дунаев М. М. Православие и русская литература : в 6 ч. Ч. 1–2. Изд. 2-е, испр., доп. М. : Христианская литература, 2001. 736 с.
8. Замойский Л. П. За фасадом масонского храма: Взгляд на проблему. М. : Политиздат, 1990. С. 158.
9. Из воспоминаний К. К. Данзаса, записанных А. Амосовым Последний год жизни Пушкина / сост., вступ. очерки и примеч. В. В. Кунина. М. : Правда, 1990. С. 456.
10. Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санкт-Петербургской императорской Академии Наук майя 26 дня 1761 года // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 4. С. 461–377.
11. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин : иллюстр. биография писателя. М. : Проспект, 2022. 272 с.
12. Лотман Ю. М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе // Временник пушкинской комиссии. 1979. Л. : Наука, 1982. 15–27 с.
13. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. IV, 3. М. : Изд-во Московского патриархата РПЦ, 2001. С. 35.
14. Полевой К. А. Из статьи «Александр Сергеевич Пушкин» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1985. С. 76.
15. Последний год жизни Пушкина / сост., вступ. очерки и примеч. В. В. Кунина. М. : Правда, 1990. 704 с.
16. Пулята В. В. Из записной книжки // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1985. С. 5–9.
17. Пушкин А. С. Вольность, 1817.
18. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М. : Худож. лит., 1962.
19. Резников В. К., прот. Размышления на пути к вере. Ключевые проблемы бытия в творчестве А. С. Пушкина. М. : Покровский храм поселка Черкизово, 2014. 336 с.
20. Соболевский С. А. Из статьи «Таинственные приметы в жизни Пушкина» // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 2. М. : Худож. лит., 1985. С. 11.
21. Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство : сб. произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. Изд. 2-е, доп. М. : Муравей, 1999. С. 14.

The spiritual legacy of A. S. Pushkin

Syromyatnikov Oleg Ivanovich

Doctor of Philology, professor of the Department of Russian Literature, Perm State National Research University.
Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-4826-3857. E-mail: pani_perm@list.ru

Abstract. The relevance of the article is determined by the importance that is currently attached to the traditional spiritual and moral values for Russia. The purpose of the study is to identify the spiritual foundations of A. S. Pushkin's creativity and to trace the features of their embodiment in various genres. The subject of the study is Pushkin's artistic creativity, his diary and epistolary records, as well as the testimonies of contemporaries.

As a result of the study, it was found that the originality of the poet's creativity is determined by the peculiarities of the spiritual development of his personality. Unlike many of his contemporaries, it had the character of abrupt qualitative changes. This was due to such features of Pushkin's personality as openness to the world, curiosity, intelligence, religiosity and a pronounced national identity. Using reason and faith as equivalent means of cognition of the surrounding reality, Pushkin set the main goal of his life and work to study the fundamental ontological laws governing the fate of each individual, the whole nation and all mankind.

An equally important task was self-improvement, based on an uncompromising analysis of one's shortcomings and a conscious active transformation of oneself in accordance with the Christian ideal. The spiritual life of the poet was reflected in various genres of his work, determining their artistic merits and creating conditions for the effective development of the main direction of Russian literature – Orthodox realism.

The results obtained can be applied in the study of various aspects of Pushkin's life and work, as well as in the teaching of the discipline "History of Russian Literature" (the first third of the XIX century).

Keywords: A. S. Pushkin, the Bible, Christ, spiritual life, Orthodox realism.

References

1. Belinskij V. G. *Sobr. soch. : v 3-h t. T. 3* [Coll. works : in 3 vols. Vol. 3]. M. Hudozh. lit. (Art. lit.). 1949. 926 p.
2. Basil the Great. *Tvoreniya : v 2 t. T. 1. Dogmatiko-polemicheskie tvoreniya. Ekzegeticheskie sochineniya. Besedy* [Creations : in 2 vols. Vol. 1. Dogmatic and polemical creations. Exegetical writings. Conversations]. M. Siberian blagozvonitsa. 2008. Conversation 8. Spoken during famine and drought. 750 p.
3. Vyazemskij P. P. *Aleksandr Sergeevich Pushkin. 1826–1837. A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov : v 2-h t. T. 2* [Alexander Sergeevich Pushkin. 1826–1837. A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 2]. M. Hudozh. lit. (Art. lit.) 1985. 194 p.

4. Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. : v 14 t. T. 8* [Full collection of works : in 14 vols. Vol. 8] / USSR Academy of Sciences, Institute of literature (Pushkin House). M. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1937–1952. 816 p.
5. Grigor'ev A. A. *Apologiya pochvenichestva* [The apology of soil science] / comp. and comm. A. V. Belova, ed. O. V. Platonov. M. Institute of Russian Civilization. 2008. 688 p.
6. Dostoevskij F. M. *Poln. sobr. soch. : v 30 t.* [Complete collection of works : in 30 vols.] L. Nauka (Science). 1972–1990.
7. Dunaev M. M. *Pravoslavie i russkaya literatura : v 6 ch. Ch. 1–2. Izd. 2-e, ispr., dop.* [Orthodoxy and Russian literature : in 6 parts. Pts. 1–2. Ed. 2nd corr., add.] M. Christian Literature. 2001. 736 p.
8. Zamojskij L. P. *Za fasadom masonskogo hrama: Vzgljad na problemu* [Behind the facade of the Masonic temple: A look at the problem]. M. Politizdat. 1990. P. 158.
9. From the memoirs of K. K. Danzas, recorded by A. Amosov. The last year of Pushkin's life / comp., introd. essays and notes by V. V. Kunin. M. Pravda (Truth). 1990. P. 456.
10. Lomonosov M. V. *Yavlenie Venery na Solnce, nablyudennoe v Sankt-Peterburgskoj imperatorskoj Akademii Nauk majya 26 dnya 1761 goda* [The phenomenon of Venus on the Sun, observed in the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences of the Maya on the 26th day of 1761] // *Lomonosov M. V. Poln. sobr. soch.* [Full Collection of works]. M.-L. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1955. Vol. 4. Pp. 461–377.
11. Lotman Yu. M. *Aleksandr Sergeevich Pushkin : illyustr. biografiya pisatelya* [Alexander Sergeevich Pushkin : illustr. biography of the writer]. M. Prospect. 2022. 272 p.
12. Lotman Yu. M. *Opyt rekonstrukcii pushkinskogo syuzheta ob Iisuse* [The experience of reconstruction of the Pushkin story about Jesus] // *Vremennik pushkinskoj komissii – The Temporary Pushkin Commission.* 1979. L. Nauka (Science). 1982. Pp. 15–27.
13. *Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi – The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church.* IV, 3. M. Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church. 2001. P. 35.
14. Polevoj K. A. *Iz stat'i "Aleksandr Sergeevich Pushkin"* [From the article "Alexander Sergeevich Pushkin"] // *A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov : v 2-h t. T. 2 – A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 2. M. Hudozh. lit. (Art. lit.).* 1985. P. 76.
15. *Poslednij god zhizni Pushkina – The last year of Pushkin's life / comp., introd. essays and notes by V. V. Kunin. M. Pravda (Truth).* 1990. 704 p.
16. Putyata V. V. *Iz zapisnoj knizhki* [From a notebook] // *A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov : v 2-h t. T. 2. – A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 2. M. Hudozh. it. (Art. lit.)* 1985. Pp. 5–9.
17. Pushkin A. S. *Vol'nost'* [Liberty], 1817.
18. Pushkin A. S. *Sobr. soch. : v 10 t.* [Coll. works : in 10 vols]. Artist lit., 1962.
19. Reznikov V. K., *prot. Razmyshleniya na puti k vere. Klyuchevye problemy bytiya v tvorchestve A. S. Pushkina* [Reflections on the way to faith. The key problems of being in the works of A. S. Pushkin]. M. Pokrovsky temple of the village of Cherkizovo, 2014. 336 p.
20. Sobolevskij S. A. *Iz stat'i "Tainstvennyye primety v zhizni Pushkina"* [From the article "Mysterious omens in the life of Pushkin"] // *A. S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov : v 2-h t. T. 2 – A. S. Pushkin in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 2. M. Hudozh. lit. (Art. lit.)* 1985. P. 11.
21. Yur'eva I. Yu. *Pushkin i hristianstvo : sb. proizvedenij A. S. Pushkina s parallel'nymi tekstami iz Svyashchennogo Pisaniya i komentariem. Izd. 2-e, dop.* [Pushkin and Christianity : collection of works by A. S. Pushkin with parallel texts from Holy Scripture and commentary. Ed. 2nd publ., add.] M. Muravey (Ant). 1999. P. 14.